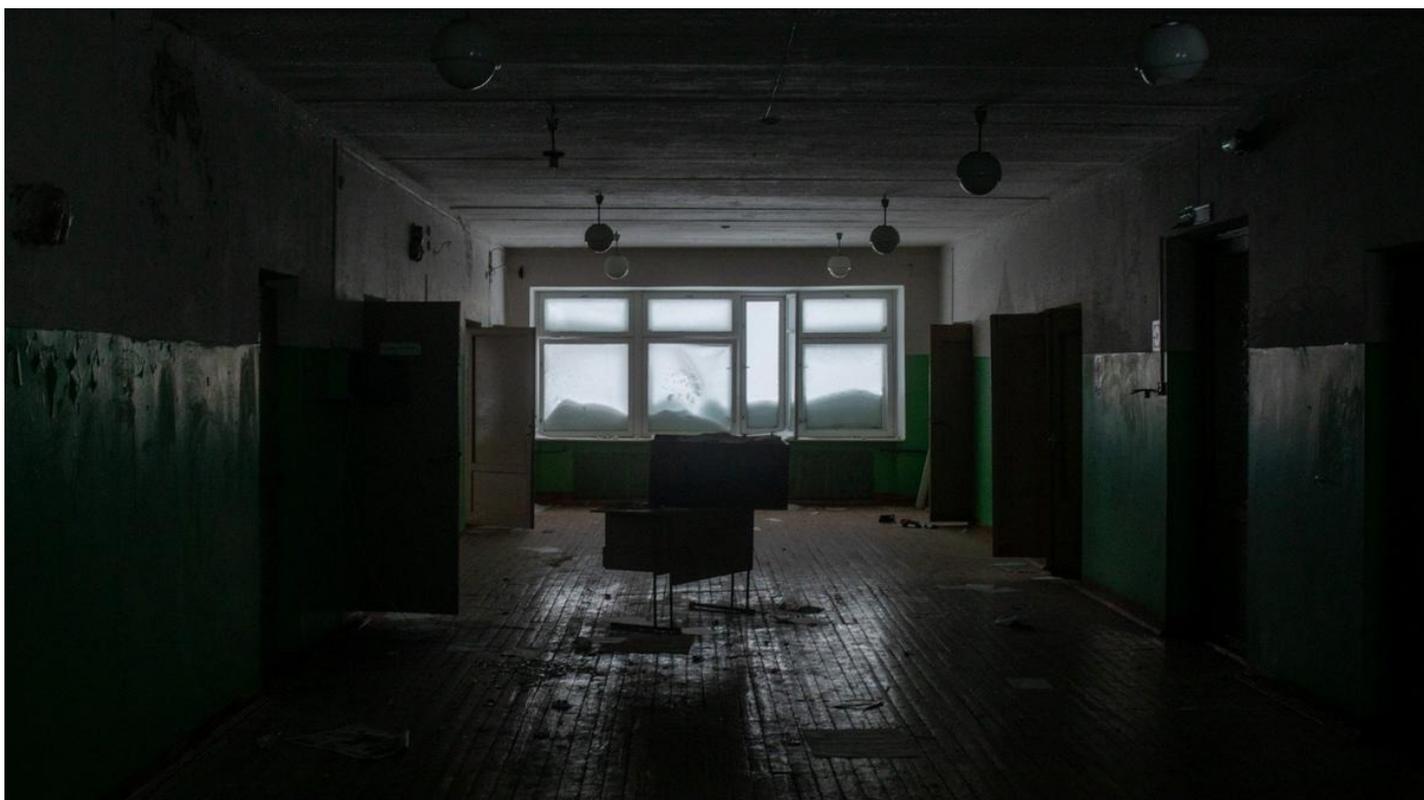

Урок мужества

В архангельских селах закрывают школы, объясняя это боевыми действиями. Но сдаются не все — и не напрасно

Школа в Беляево. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

10:05, 28 февраля 2026,

Иван Жилин, Алексей Душутин

В 2000 году в России было больше 45 тысяч сельских школ. К 2025-му их осталось лишь около 21 тысячи. Гибель российской деревни — старая, хорошо изученная демографами и многожды описанная в кино и книгах проблема. Но если раньше все объясняли урбанизацией и оттоком населения, то сегодня закату деревни будто придают новый импульс: чиновники на местах прямо говорят, что «сверху» их якобы просят закрывать сельские школы ради экономии денег. И расшифровывают: потому что время тяжелое, идут боевые действия. Даже озвучивают цену: сократить один класс — сэкономить 2,5 миллиона рублей.

А что за этим? Не будет школы — не будет и села. Известная аксиома.

Причем экономить хотят даже на тех селах, которые вовсе не собираются умирать, а, напротив, развиваются, строятся, привлекают туристов и новых работников на свои предприятия. Их жителям заявляют: «Вас тоже коснется. Решение принято».

Корреспонденты «Новой газеты» отправились в Вилегодский округ Архангельской области, где сегодня работает пять школ, а с сентября хотят оставить одну. Не все собираются закрыть полностью: некоторые — пока только сделать филиалами районной школы и сократить в них старшие классы. Детей, по планам местных властей, будут возить учиться в райцентр на автобусе, а тех, кому ехать далеко, просто поселят в интернате, оторвав от семей.

Эта история — о том, как сами жители воспринимают экономию на своих детях. Как одни мирятся, а другие — борются. И как защита себя иногда дает плоды даже в тяжелое время.

Часть I. Несломленные

«Мы же не по своей воле...»

Светлый актовый зал полон людей. Мужчины и женщины в потертых пуховиках нараспашку, некоторые в шапках. Простые лица, простая одежда, простое село Никольск на юге заснеженной Архангельской области. Вечер.

Молодая женщина (единственная из всех собравшихся — в деловом костюме) просит седого мужчину убрать из зала детей.

— Это не концерт, это не мультики, это не кино, — решительно говорит она. — Детей на мероприятии быть не должно.

— У нас не прописано таких ограничений, — возражает мужчина.

— Так и не прописано, что я здесь должна быть. Мы вообще можем ничего не обсуждать, — возмущается она. Но все же садится в свое кресло.

Детей в зале быть не должно, но разговор пойдет именно об их судьбе. В Никольской школе собираются сократить 10-й и 11-й классы. И никто не питает иллюзий — это первый шаг к закрытию всей школы, а заодно и объединенного с ней детского сада. Но пока не началось официальных выступлений, люди еще верят, что все это просто слухи. И ведущий, бывший глава села Валентин Шевелев, открывая собрание, просит приехавшую главу округа «снять напряжение».

Женщина в деловом костюме, Оксана Аникиева, впрочем, с ходу дает понять, что бодриться у селян поводов нет.

Глава округа Оксана Аникиева. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— Это не слух, это наше действие, которое произойдет и случится. И оно будет касаться не только Никольской школы, а всех, — ультимативно заявляет она. — Десятые и одиннадцатые классы поедут учиться в Ильинскую школу [в райцентр]. Мы провели подсчеты: на следующий год в школах Никольска, Павловска, Вилегодска и Фоминска будет 17 детей 10-го и 11-го классов. Стоимость содержания одного класса на учебный год — 2,5 миллиона. Я понимаю, что вам неинтересно и вообще — плохое слово хочется сказать — на все эти дела в бюджетах. Но таких классов по области, по региону, по стране — полно. И решение предложено Министерством образования, то есть с его подачи сейчас на всех территориях будет вестись такая работа. Опрос граждан мы проведем обязательно, но это не будет основой для принятия решения. Не будет, — повторяет Аникиева. — Я вас сразу предупреждаю, чтобы вы, ставя везде «минус» и «нет», не рассчитывали, что у вас все получится.

По залу прокатывается ропот.

— А вы че тогда нас собрали, если у вас там все решено? — выкрикивает мужчина с задних рядов.

Одна из женщин спрашивает про дополнительное образование: если дети будут привязаны к расписанию школьного автобуса, у них не будет возможности попасть на кружки ни в Никольске, ни в райцентре.

— Было бы же-ла-ни-е, — глава округа зачем-то произносит последнее слово по слогам. — Я вам только это могу сказать.

В зале раздаётся нервный смех.

— Каков бюджет округа на следующий год? — спрашивает, поднимаясь с кресла, руководитель местного сельхозпредприятия.

— Порядка 800 миллионов рублей.

— И вы хотите сэкономить пять миллионов на детях? — удивляется мужчина.

— Это не пять миллионов, Дмитрий Николаевич. Мы говорим не только о вашей школе, а обо всех. Это нагрузка на областной бюджет. Не будет исключением Никольская школа, потому что вы здесь такие красивые и хорошие собрались, — отрезает глава.

К передним рядам пробивается молодая женщина в пуховике и серой шапке.

— Я по-простому, как мама хочу сказать. Нам уже 10 лет подряд заявляют: «Денег нет в бюджете, денег нет». Это проблемы, решать которые за счет детей неправильно.

Изыскивайте другие резервы: сократите административный аппарат, сократите собрание депутатов...

— Она машет рукой в сторону главы. — Депутаты должны решать, как эффективно тратить деньги, но если денег нет — зачем нужны депутаты? Зачем нам нужен отдел образования, если во всем округе останется одна школа?

Ведущий вспоминает, что на Виледи были времена и потяжелее, чем сегодня, — люди не получали зарплату по полгода. «Но даже тогда речи о том, чтоб экономить на школах, не было», — замечает он. Тем более что и население в Никольске не снижается, а растет: если в 2010 году здесь жило 613 человек, то в 2012-м — уже 699. Сейчас, говорят местные, больше. В селе развиваются сельскохозяйственное и лесопромышленное предприятия — люди сюда едут работать и жить. Это же никольцы пытаются донести и в отношении школы: сейчас в старших классах учеников мало, но в средней школе уже есть классы и по 10, и по 12 человек, и чем младше, тем больше, им надо дать перспективу.

— Вы хотите потихоньку все перевести в райцентр, в Ильинско-Подомское. Но честно-то говоря, перспектива у Ильинско-Подомского хуже, чем у Никольска, потому что работы у вас нет. Мы же это с вами хорошо знаем, — заявляет ведущий. — И ваша-то задача, задача администрации, — привлекать в район людей, создавать рабочие места.

Татьяна Регуш, основательница музея «Деревенька на Виледи». Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Встающая к микрофону основательница местного музея «Деревенька на Виледи» Татьяна Регуш подхватывает:

— Получается, что Министерство образования спускает свою рекомендацию, и у администрации округа выбор такой: либо взять под козырек и за счет сокращения школ «компенсировать» некомпетентность областных органов в управлении регионом, либо быть хозяевами на своей земле и встать на защиту своего населения. Сказать: «Уважаемое министерство, мы не можем выполнить ваших рекомендаций, потому что у нас люди против». Давайте поставим цель сохранить школу и станем вместе думать, как это сделать!

Сидевшая все это время молча рядом с главой председатель окружного собрания депутатов Ольга Гомзякова, видимо, решив показать, что сейчас не время брать под козырек, пускает в ход последний аргумент:

— Давайте говорить о том, что времена сейчас очень сложные. Для страны, для региона, для нашего района. Очень все сложно. Идет ***! И поэтому мы должны входить в это положение. Нам это тоже неприятно, когда идет сокращение. Но жизнь корректирует наши действия, и мы даже не по своей воле иногда эти действия производим.

«Здесь можно и нужно жить»

Никольск — полторы сотни деревянных домов и семь двухэтажных кирпичных многоквартирников. По всем меркам село зажиточное: детский сад, школа, амбулатория, собственный пожарный пост, Дом культуры, три магазина, маркетплейсы, музей. Даже инсталляцию «Я люблю Никольск» в центре установили — большую, из искусственной травы.

В конце главной улицы слышно коровье мычание. Дмитрий Бровин вернулся в Никольск в 2008 году из Санкт-Петербурга: окончил сельхозинститут, несколько лет поработал в городе, но потом затаготился. Говорит: «Не понимаю, как жить без села». К тому же придумал себе цель: существовавшее в Никольске еще с советских времен сельхозпредприятие находилось в плачевном состоянии, и мужчина решил его восстановить.

В Никольске сто пятьдесят дворов, ферма, завод. Производство растёт, но все это бессмысленно, если закроют школу. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— При Советском Союзе мы были далеко не самым крупным хозяйством в районе. Девятьсот голов дойного стада — немного. Здесь в окрестностях было два колхоза-миллионера, и все думали, что они-то долго проработают. Но волею судеб они прекратили существование. А Никольск остался, — говорит он меланхолично, скорее не радуясь за свое село, а переживая из-за закрытия соседних хозяйств.

Бровину 44 года. Себя он называет потомственным крестьянином: отец, мать, бабушки, дедушки — все работали на земле. Вот и он, вернувшись, сначала пошел работать на сельхозпредприятие инженером, а затем и возглавил его.

— Сейчас у нас в самом Никольске в зависимости от сезона работает 60–70 человек. Есть еще одно отделение, где мы выращиваем корма, а недавно выкупили молокоперерабатывающий завод в Котласе. В сумме — порядка

сотни сотрудников. Пытаемся развиваться. поголовье — 600 дойных коров, хотим увеличить до 1000 и заняться еще мясным животноводством, — говорит он. А потом задумывается и добавляет: — Но все это невозможно и бессмысленно, если у нас не будет школы.

В прошлом году в Никольск из Вологодской области переехала семья с тремя детьми — работать у Дмитрия. Фермер сомневается, что эти люди решились бы на это, если бы в селе не было возможности полноценно учиться. Таких переехавших здесь много — Бровин помогает им с жильем: сначала — с комнатой, а если сотрудник закрепится, то и со строительством дома. На окраине Никольска выделено 50 участков под будущие стройки.

Потомственный крестьянин Дмитрий Бровин. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— У нас средний возраст сотрудников — около 42 лет. Работающих пенсионеров — трое. Остальные — достаточно

молодые. Самому младшему — двадцать два. Мы постоянно это анализируем, чтоб понимать, как будем работать через два-три года. Приезжают студенты на практику, некоторые планируют потом здесь работать. В 2024-м переехала хорошая молодая девочка, ветеринар, — перечисляет Бровин. — Вы посмотрите на наше село: здесь можно и нужно жить. И те люди, которые к нам переезжают (их достаточно много на сегодняшний день), они в том числе подпитывают нашу школу и садик. Я всем говорю: мы живем здесь больше 600 лет и хотим жить дальше. У нас есть планы по развитию. И мы верим в свое будущее. Если бы не верили, то и за школу бы сейчас не боролись.

То, что Никольскую школу хотят подчинить Ильинской и сократить в ней старшие классы, фермер воспринимает единственно возможным образом — как угрозу существованию села.

— Я знаю как минимум две семьи, которые собирались строиться в Никольске, но теперь отложили это решение. Потому что боятся, что здесь может не быть будущего. Люди переосмысливают свое положение, у многих паника. Давайте говорить прямо: нет ни одного сельского поселения, которое хорошо живет без школы. Но есть много примеров, когда после ее закрытия в деревне в течение 10 лет остаются одни старики. — В голосе Бровина смешиваются отчаяние и злость. — Мы разрабатываем земли в Беяево, в 17 километрах отсюда, и там тоже стоит красивая, но заброшенная школа. Так вот: в этом селе больше никто не родится.

В 1986 году в СССР вышел фильм «Архангельский мужик» — о жизни фермера Николая Сивкова на почти опустевшем хуторе Красная Горка на берегу Двины. Сивков бился и с властями, и с

суровой северной природой за право достойно жить на своей земле. Режиссеру он по-простому объяснял свое мужицкое видение благополучия страны: «Ты, я, Петька, Митька — а мы государство. Петька, Митька, я, он будем жить хорошо, богато — значит, и государство будет жить богато».

Вот и Бровин рассуждает примерно так же:

— Мы все «самозанятые» на сегодняшний день, я так считаю. Потому что то производство, которым мы занимаемся... ну мы просто должны где-то работать, и мы сами себя обеспечиваем этой работой, чтобы жить там, где нам нравится, и там, где нам хорошо.

Жить вопреки

Летом Никольск на несколько дней наводняют тысячи людей. Они приезжают сюда с разных концов страны: не только с Архангельской области, но и из Вологды, из Петербурга, Москвы и других городов. Это гости фестиваля «Горошница», который каждый год проводит местный музей «Деревенька на Виледи». Люди поют песни, слушают гармонь, пробуют блюда из печи, катаются на лошадях, узнают о вилегодских костюмах, говоре и местных традициях.

И трудно поверить, что началось все это с довольно грустной и гнусной истории. В 2019 году Архангельская область второй год протестовала против строительства мусорного полигона на станции Шиес. В городах на улицы выходили десятки тысяч человек, а на самом Шиесе круглогодично стоял палаточный лагерь. Власти всяко пытались успокоить ситуацию: то говорили, что для региона гигантская мусорная свалка — хорошая инвестиция, которая принесет много денег, то пускали в ход бойцов ОМОНа. Но ничего не помогало: люди, обеспокоенные экологическими угрозами и разъяренные тем, что чиновники никак не учитывали их мнение, не отступали и

мешали строителям. И победили: контракт был расторгнут.

Никольскую школу хотят подчинить соседней Ильинской и сократить в ней старшие классы. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Власти мстили точно — как могли: задержаниями, уголовными делами. А замдиректора Вилегодского краеведческого музея Татьяну Регуш уволили с работы.

— Мы с коллегами тогда не могли оставаться в стороне, — объясняет Татьяна. — Да, мы принимали участие в этом мирном, абсолютно законном протесте. Наша роль была в том, чтоб поселить, накормить и собрать деньги для активистов, которых по ночам привозили в Вилегодский суд для рассмотрения административных и уголовных дел. Порой мы даже проводили для них экскурсии, рассказывали про наше село — потому что когда бы они еще здесь оказались... Но даже такое участие было воспринято нашим руководством как недопустимое, и, в частности, моя карьера в государственном музее закончилась. Это послужило поводом создать свой

частный музей, очень востребованный, очень посещаемый, и, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Музей в Никольске сегодня принимает порядка пяти тысяч гостей в год — по словам Татьяны, посещаемость куда выше, чем у районного. Здесь угощают традиционными блюдами, знакомят с местным фольклором и диалектом, а еще — рассказывают историю этой земли, в которой есть ответы и на вопросы сегодняшние.

Интерьер музея «Деревенька на Виледи». Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— Первое письменное упоминание о Виледи, и о Никольске в частности, датируется 1379 годом. Это время, когда святитель Стефан Пермский начал свою духовную миссию по просвещению местных коренных народов — языческих, зырянских — «светом веры православной». Старую религию приходилось ломать в том числе силой. И я думаю, что, может быть, в этом и есть глубинная причина сопротивления всему,

что пытаются навязать. Люди здесь стараются сохранить те традиции и тот уклад жизни, к которому они веками привыкли, — говорит Регуш.

Закрытие школ — слом не только уклада, но, вероятно, и жизни на Виледи как таковой. Этого местные никак не могут допустить. Да и понять, зачем это кому-то понадобилось, не могут тоже.

— В нашем селе есть работа, школа, детский сад, магазины, почта, музей — люди хотят здесь жить. Мы пытаемся это объяснить и пытаемся подтвердить властям нашу готовность принимать участие в развитии округа, — рассуждает Татьяна. — Нам удалось добиться того, что на последнем заседании окружные депутаты проголосовали против реорганизации нашей школы. Но все понимают, что не сегодня завтра этот вопрос снова вернут в повестку. Сейчас мы хотим провести референдум не только по своей, но и по Вилегодской школе, чтобы гарантировать их сохранение. Конечно, есть сомнения, что нам дадут это сделать. Но мы обязаны пытаться. И давайте все-таки менять подход: устраивать жизнь так, чтобы не приходилось закрывать школы. Люди в нашем селе очень многое для этого делают.

«Все же смирились»

Перед типовым советским ангаром из белого кирпича — два высоких, метров в пять, штабеля бревен. У входа — едва занесенная снегом техника: тяжелый вездеход и лесовозы. В бытовке курят рабочие.

Ситуация у никольского лесопромышленника Игоря Кобелева

— что у Бровина. Крепкий по сельским меркам бизнес, свои делянки в Вологодской области, а под Никольском — складирование. Долгое время здесь была еще и пилорама, но всех четырех ее работников мобилизовали. Теперь предприниматель ищет способы ее возродить и тоже подчеркивает, что готов помогать с переездом. Кобелеву перетягивать в Никольск работников не в новинку: в 2017 году он перевез сюда сразу пять семей с 10 детьми из села Широкий Прилук — там как раз школа закрылась.

Игорь Кобелев, лесопромышленник. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— Когда только пошли слухи, что и нашу школу будут сокращать, я подумал, что это неправда, — говорит он. — Потому что еще совсем недавно нам говорили, что Никольская школа — перспективная: три года назад был сделан ремонт, построены новые мастерские. Губернатор в 2022 году приезжал, **говорил**, что у детей прекрасные условия для учебы. И я сначала серьезности всем этим разговорам не придавал. Но потом, когда

уже официально о сокращении заявили, для меня это было шоком.

Как и другие селяне, Игорь замечает, что в Никольске много молодых семей. И просит не стричь сельскую местность под одну гребенку: где-то все загибается, а где-то — развивается. Для Кобелева история вокруг школы — личная: и потому что его сын учится в 10-м классе, и потому что сам он с деревни Горбачиха, в которой сегодня, дай бог, осталось 20 жителей. Предприниматель не хочет, чтобы Никольск пришел к тому же.

Чтобы разобраться в вопросе, лесопромышленник вместе с другими жителями села ходил на заседание к окружным депутатам. Те снова пояснили, что цель сокращения школ — экономия. Когда никольчане попросили предоставить расчеты, чтобы понять, сколько сэкономят, оказалось, что таковых нет.

— Один депутат сказал: «Ну по всей же России закрывают. Все же смирились». А я думаю: «Ну какая же глупость! Надо смотреть на каждое село отдельно», — замечает предприниматель. — Еще чиновник из области выступил: мол, у вас в Вилегодском округе очень много юридических лиц. Мы у него спросили: есть какой-то закон, определяющий, сколько их может быть? Он: «Нет». Тогда в чем смысл, зачем вы это говорите?

Селяне понимают: если Никольскую школу лишат юридического лица и она станет филиалом районной, то завтра же по распоряжению директора ее можно закрыть:

— Это сейчас у нас сложная процедура: заседания, голосования, встречи с главой, учет мнения населения, а согласись мы стать филиалом — ничего из этого не будет нужно.

По итогам переговоров Кобелев предложил депутатам показать сельским жителям пример:

— Они говорили, что экономить будут на всем: мол, даже техничек переведут на 0,8 ставки. «Это, — говорю, — замечательно. То есть техничка мыла 100 квадратных метров, а теперь будет мыть 80?» Молчат. Предложил им сократить себя всех на 0,8. Но глава не согласилась, так как у них «сложная и напряженная работа».

Больше всего лесопромышленника, впрочем, раздражает даже не скользкость позиции властей, а сама попытка поставить селян перед фактом. Неуважение.

— Вопрос-то не в том, что мы какие-то революционеры и бегаем с флагами по площадям. Вопрос в том, как нам всё поднесли. Если бы изначально глава приехала и сказала: «Ребята, вот такая ситуация, на меня с области давят, угрожают нашему району, помогите. Давайте будем решать вопрос вместе», — то ситуация бы обернулась вообще в другую сторону, — объясняет предприниматель. — Может быть, если бы с нами говорили уважительно и аргументированно (я не утверждаю, но может быть), мы бы согласились. Но когда приезжают и говорят: «Мы все решили, ваше мнение не влияет»... Ну, понимаете ли... В Никольске люди живут конкретные и правдивые. И когда тебе в лоб говорят что-то против правды, естественно, начинается противодействие.

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

«Мы учимся как в Японии»

Новую школу в Никольске построили в 2005 году, а в 2023-м провели в ней капитальный ремонт. Бежевое двухэтажное здание стоит в самом центре села. Перед ним — большая площадка с тренажерами, а с торца — хоккейная коробка и футбольное поле. Все новое, и оттого селяне еще больше удивляются разговорам о закрытии.

— Для кого тогда это все? — риторически спрашивает учитель русского языка Наталья Короткая. — Вкладывались же в будущее: чтоб дети занимались. Создавали для них условия — что в классах, что на улице.

У школьного забора собирается пятеро учителей. Они просят не заходить в здание, потому что на это нужна санкция директора, а та после новостей о сокращениях слегла на больничный. «Она по доброте душевной, наверное, разрешит, а потом вдруг ее

накажут», — поясняют учителя.

Наталья Короткая (слева) с коллегами. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Короткая преподает больше 20 лет, она ветеран педагогического труда.

— Говорят, у нас школа маленькая. Но ведь хорошо известно, что в большой школе дойти до ребенка очень трудно: много детей остается незадействованными, на них просто не хватает времени и учительских рук, — рассказывает она спокойно, будто и сейчас ведет урок. — А мы учимся как в Японии: классы маленькие, но из-за этого с каждым учеником ведется большая работа, им все объясняют, они участвуют во всех соревнованиях, во всех культурных мероприятиях. У нас за последние пять лет — шесть медалистов. В прошлом году было четыре выпускника, но как они сдали ЕГЭ? Один мальчик сдал русский на 94 балла, математику — на 95, информатику — на 100 баллов. Другой, Саша, сдал математику на 86 баллов. То есть

ребята получают хорошее образование.

Она повторяет мысль, которая звучала во время встречи никольчан с главой округа: это сейчас учеников старших классов мало, но перспектива другая. В девятом классе учеников тоже всего пятеро, в восьмом — шестеро, зато в седьмом — уже 10, в шестом — 12, в пятом — 10. И в село приезжают новые семьи.

— Нам нужно пережить эту демографическую яму и дать возможность детям, которые потом придут в старшие классы, учиться в своей школе, а не в райцентре, не в Коряжме и не где-нибудь в Сыктывкаре, — заключает она.

Школьный психолог Ирина Трубачева. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Собравшиеся ее поддерживают. Некоторые из них понимают происходящее и как родители: молодых преподавателей в Никольске тоже хватает. У Ирины Трубачевой, школьного

психолога и педагога индивидуального обучения, старший сын учится во втором классе, а дочь — в детском саду. Но беспокоится женщина не только за них, а еще и за детей из отдаленных сел: если до Никольска им ехать километров пятнадцать, то до райцентра будет все сорок и больше — в каком состоянии ребята будут приезжать на уроки?

Валентина Шульгина, педагог на пенсии, говорит, что не понимает, как можно было вообще допустить разговор о сокращении школ. Пожилая женщина вспоминает слова местного батюшки, сказанные на собрании с главой округа: священник заявил, что вилегодские школы не закрывались даже в Великую Отечественную войну — что же сейчас такое происходит, что это потребовалось?

— Можно поискать другие пути выхода. Если бюджет дотационный, то давайте подумаем: а как его можно наполнять-то? — резонно замечает Шульгина. — Ведь это как раз и есть работа администрации. Простой пример: у нас в этом году было очень много грибов и ягод. Если их не просто за бесценок вывозить, а организовать здесь их переработку, готовить из них что-то и потом продавать — вот уже и наполнение бюджета. А если сесть и поразмышлять, найдутся и другие способы. Очень богата земля наша, и стыдно стоять с протянутой рукой.

Валентина Шульгина, педагог на пенсии. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Дорогое удовольствие

Глава Вилегодского округа Оксана Аникиева очень не хочет быть отрицательным героем. И прямо об этом говорит. Больше того, ей будто неловко от своей роли в происходящем.

Формально решение о сокращении школ принимает именно она. И если судить по букве, с Аникиевой весь спрос. Но трудно себе представить, что главы районов и округов по всей стране сговорились и решили закрывать учебные учреждения в селах. А ведь это происходит и в соседней с Архангельской областью [Республике Коми](#), и в [Ульяновской области](#), и на [Кузбассе](#), и на [Дальнем Востоке](#) — везде.

— Как мать, как родительница я прекрасно понимаю чувства людей на местах. Но обстоятельства сейчас складываются так, — объясняет глава Вилегодского округа. — Мы все прекрасно знаем, что в стране, в регионе и у нас в районе ситуация не из простых с бюджетом. Содержание школы — удовольствие

дорогое. И если в поселке Фоминск сегодня всего 15 учеников, то нам намного выгоднее возить их в другую, более крупную школу. Если в Вилегодске детей прилично, но их мало в 10-м и 11-м классах, мы предлагаем сократить только эти классы.

У Аникиевой есть не только финансовое обоснование «оптимизации». Глава округа — пусть и специфически — говорит еще о конкуренции между детьми и их социализации.

— Представляете одного ученика в классе? Как бы он ни учился, он все равно самый лучший, у него нет никаких стимулов. А ведь каждому ребенку важно проявить себя, участвовать в каких-то конкурсах. И у нас сейчас «Движение первых», Юнармия, кадеты — все эти организации проводят очень много соревнований. Но как правило, в них нельзя участвовать по одному. И дети из малокомплектных школ автоматически лишаются этого удовольствия. Они способные, умницы, они всё знают, но поехать на командные мероприятия уже не могут.

На судьбе Никольской школы Аникиева останавливается отдельно: подчеркивает, что власти никогда не говорили о полном закрытии учебного заведения. И будто пробрасывает, что у жителей получается отстаивать себя.

— На сегодняшний день там порядка 80 детей. Школа функционирует и функционировать, надеюсь, будет. В детском саду там тоже дети есть. Да, мы прорабатывали вопрос о подвозе [ребят в школу райцентра], но так как родители высказали свою позицию — мы не враги, мы их услышали: естественно, хотите учиться на месте — ну продолжайте, — говорит она. И тут же замечает: власти теперь рассчитывают договориться с людьми так: 10-й и 11-й классы в Никольске будут работать, только если сами дети захотят учиться в селе.

Глава округа знает позицию жителей: мол, почему чиновники думают над сокращением школ, а не над тем, как заработать на

их содержание? И заметно, что такая постановка вопроса ее уязвляет.

— У муниципалитета есть множество задач, которые мы должны выполнять. Это не только образование, но и коммуналка, содержание дорог, функционирование инженерных сетей, котельных, водонапорных башен. У нас куча разных забот, и пополнять бюджет только для того, чтобы содержать школы, в которых будет обучаться три-четыре человека, я считаю нерациональным. Никто так хозяйство не ведет, — отрезает она. — Да, в Никольске есть сельхозпредприятие, которое развивается, привозит молодых специалистов, платит налоги, пополняет бюджет. Это хорошо. Но давайте говорить прямо: вообще-то привлекать людей в села — задача очень сложная.

Часть II. Упадок сил

«Требуем много денег, а отдача с нас маленькая»

Вилегодск — село на федеральной трассе, соединяющей Вологодчину, Архангельскую область и Республику Коми. Старинное — первое упоминание о нем относится еще к 1381 году. Но, возможно, доживающее свои последние годы.

Как и в Никольске, в местной школе хотят сократить старшие классы. Но готовых сопротивляться здесь мало. Даже те, кто открыто выражает недовольство «оптимизацией», признаются, что работы в селе нет: только муниципальные учреждения да магазины. И оттого склоняются скорее переезжать, чем упорствовать.

Как и в Никольске, в Вилегодской школе хотят сократить старшие классы. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— Среди народа-то давно слышно было, что будет сокращение, но точно нам никто не говорил, — вспоминает продавец в продуктовом Юлия Козырева. — Лишь в ноябре директор провела собрание. Сказала, что да, «до нас дошло»: попытайтесь, мол, куда-то обратиться, подумайте, но, скорее всего, это не поможет.

Жители и обратились — к местным депутатам. Но те в большинстве своем сами выступают за сокращение школ — возможно, не только ради экономии, но и ради своих кресел. Писали и Путину, но помощи не получили.

Юлия говорит, что у детей и родителей в Вилегодске наступил «какой-то упадок сил». Никто уже не знает, что сделать.

— Дочь у меня в 10-м классе учится. Она как узнала, что придется в райцентре школу заканчивать, начала истерить, дня

три ничего не ела: я, говорит, не хочу никуда ехать, привыкать к чужим ребятам, к новым учителям. Если бы знала, ушла бы после девятого и училась где-нибудь в колледже. Младшие сыновья — они в восьмом классе — только и обсуждали: «А если нас в интернат поместят, то какая там будет жизнь, чем нас будут кормить, кто за нами будет смотреть?» Стресса много было. Радости, конечно, никто не испытывает.

Чтобы как-то поддержать детей, Козырева с мужем и сами думают переезжать в Ильинско-Подомское. Но она подчеркивает: если семья и примет такое решение, то только как вынужденное.

Юлия Козырева, многодетная мать. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Юлия Захарова — многодетная мать и член родительского совета Вилегодской школы. По ее словам, и родители, и учителя против «оптимизации», но областные власти слишком сильно давят на округ, и получится ли отстоять старшие классы, она не

уверена.

— К нам приезжал зампред областного правительства Иван Александрович Дементьев и все наглядно показывал: что рождаемости нет, что учеников мало. Но, извините, у нас школа хорошая, в ней свежий ремонт, и у нас ведь не первый год мало детей. Почему именно сейчас решили реорганизовывать? — недоумевают женщины.

И хотя Захарова говорит, что учителя в Вилегодске против «оптимизации», никто из них не решается выступить открыто. Да и анонимно тоже. Директор школы Елена Меньшакова просит не записывать разговор, но по ходу общения появляется чувство, что она скорее разделяет позицию администрации.

— Понимаете ли, — говорит она, — ведь это нехорошо, когда в классе два-три ученика. Это ведь даже нечестно по отношению к учителям в крупных школах: что ты учишь трех человек, что тридцать — зарплата одна. А разница в нагрузке есть. Получается, мы действительно требуем много денег, а отдача с нас маленькая. У нас сейчас всего 71 ученик.

Нашу школу, как и в Никольске, недавно отремонтировали. Завезли сюда интерактивные доски, 3D-принтер. А я смотрю на это и думаю: ну зачем нам вся эта красота, если у нас детей скоро не будет? Я пытаюсь честно об этом рассуждать.

Ни один из жителей так и не смог сказать, способен ли Вилегодск выйти из ситуации, развивая свою экономику и привлекая людей. Может быть, и способен. Но все устали. Хотя и тут люди понимают: сначала не будет старших классов, потом

— самой школы, а потом и села. Не хотят этого, но не знают, что делать.

Словно принимают неминуемое.

Школа в Вилегодске. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Глава III. Медвежий угол

«Ты налоги платишь, а денег на тебя нет»

Для села Беляево все уже свершилось. Школу здесь закрыли в 2017 году. Массивное кирпичное здание стоит заброшенным.

Дверь занесена метровым слоем снега, но попасть внутрь можно через открытое окно на первом этаже. В коридорах — разбросанные документы и школьные журналы. «22 февраля проводится смотр строя, посвященный Дню защитника Отечества», — гласит надпись на одном из листов.

На стенде — печатными буквами: «Село мое не славится медвежьим углом. Семнадцатой республикой здесь кличется оно». Это о самоощущении вилежан. На Виледи живут потомки русских и коми. У них особый говор: слова узнаваемые, но часто с неправильными ударениями или подчеркнутым звуком «о». Здесь свои народные костюмы, свои, как тут говорят, «особинки». И сами люди отмечают, что для них быть вилежанами значит намного больше, чем даже для жителей соседнего Котласа — котлашанами.

Но как бы ни хотели в Беляево не слыть медвежьим углом, сейчас село именно им и стало.

Школа в Беляево заброшена с 2017 года. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

И местные с этим не спорят. После закрытия школы

депопуляция пошла быстро: сегодня здесь едва ли живет 60 человек, и среди них — всего две семьи с детьми.

— У нас недавно электричество в районе отключалось из-за аварии, так в Беляево в последнюю очередь ремонтировать приехали. Три дня мы без света сидели, — усмехается Александр. — Почему так? Ну понятно: потому что народу у нас мало. А скоро, наверное, совсем нас тут забудут.

У Александра в Никольскую школу ходит младший сын Алексей. Учится в седьмом классе и живет по пять дней в интернате. Мужчина говорит, что уже привык к тому, что ребенок дома только по выходным, но отпускать его в райцентр не готов, потому что до Никольска дорога проселочная и не оживленная, а до Ильинско-Подомского — уже федеральная с большим потоком автомобилей.

— И смотришь, авария на аварии, — разводит он руками. — Это сколько же переживаний, волнений! Нет, я не отпущу: пусть на это, как его, домашнее обучение переводят. Компьютер пусть дают. Что, денег мало? — Он долго всматривается, словно ожидает ответа. — Я вот этого не понимаю: ты налоги платишь-платишь, а на тебя почему-то никогда средств не находится. Ну разве не так? Поэтому нет уж: связь у нас хорошая, интернет работает, пусть по удаленке учится.

Мужчина рассказывает, что его старший сын сейчас проходит «срочку» в армии, и там его и сослуживцев агитируют подписывать контракт.

— Я ему сказал: если так поступишь, домой не приходи, — говорит он. И сбивчиво объясняет. — Ребята еще автоматы толком не держали, а им уже на СВО предлагают

Этот материал вышел в шестнадцатом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Сэкономить на детях](#)

Заккрытие сельских школ начали объяснять боевыми действиями

15:06, 9 февраля 2026, Иван Жилин, Алексей Душутин